

ИСТОРИИ

«Дети начнут нормально общаться недели через три. Правда, мой не сможет сказать ни слова» Осенью 2022-го российские власти вывезли из Херсона в Крым подростка с аутизмом. «Верстка» рассказывает, как спустя восемь месяцев его матери удалось вернуть сына домой

11:55, 31 марта 2023 · Источник: Meduza

Фото: Архив Ольги Мазур. 16-летний подросток с аутизмом Саша Мазур и его

Эта PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

В марте Украине удалось вернуть 17 детей, которых российские власти вывезли в Крым осенью — когда ВСУ перешли в контрнаступление и освободили часть занятых Россией территорий. Среди вернувшихся был 16-летний Саша Мазур из Херсона. У подростка аутизм, и полгода он провел не в детских лагерях, как остальные вывезенные в Россию дети, а в симферопольской психиатрической больнице и доме-интернате. О том, что их сына «эвакуировали» (так российские власти описывали вывоз детей), родители Саши узнали из телеграм-каналов. Издание «Верстка» поговорило с матерью подростка Ольгой Мазур о том, как ее сын оказался в Крыму и что с ним происходило восемь месяцев до воссоединения с семьей. С разрешения издания «Медуза» публикует этот текст полностью.

«Мы собирались весной 2022 года присмотреть дом в селе — и забрать Сашу»

Моему старшему сыну, Саше, сейчас 16 лет, и у него аутизм. Он не разговаривает и не может усидеть на месте⁽¹⁾. С девяти лет Саша жил в доме-интернате для детей с ограничениями здоровья в Олешках, на левом

берегу Днепра — прямо напротив Херсона. Сейчас эта территория еще оккупирована.

Мы с мужем никогда не думали, что наш сын будет жить не дома, а в интернате. И сначала Саша числился в херсонской специализированной школе — учителя занимались с ним индивидуально. Но потом в Херсоне сократили места для такой формы обучения. Нам предложили интернат в Олешках, где работала наша дальняя родственница — она рассказала, что к детям там хорошо относятся, занимаются с ними по специальным программам. Решили попробовать. Меня также устраивало, что это близко — чтобы оказаться рядом с сыном, нужно было только переправиться на левый берег через Антоновский мост.

Так Саша стал жить в интернате. Мы забирали сына домой примерно раз в месяц на пару дней. Мы с мужем планировали, что весной 2022 года присмотрим дом в селе, возле леса — тогда насовсем заберем Сашу, выделим ему комфортную комнату. Но 24 февраля эти планы изменились.

Война застала Сашу в Олешках, а нас с мужем и младшим сыном — в Херсоне. После начала боевых действий в интернате появились проблемы с продуктами и с лекарствами, но волонтеры помогали. Я тоже старалась как-то поддерживать детей, хотя бы из группы

Саши — пекла для них булочки, передавала через волонтеров сумки со сладостями и фруктами.

В конце июля Антоновский мост, по которому я обычно ездила к сыну, подорвали ЗСУ⁽²⁾ — и доступ к Саше у нас пропал. Одновременно с этим россияне поставили в интернате своего директора, с которым так и не получилось познакомиться. Пропала связь и с воспитателями — они больше не шли на контакт, как раньше. Мне удавалось общаться только с одним педагогом, которая выехала из Олешек. Ее бывшие коллеги рассказывали ей без подробностей, что в интернате все в порядке.

КАКОВО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ С АУТИЗМОМ В РОССИИ

«Система пронизана пренебрежительным отношением к таким детям» Психиатры Елизавета Мешкова и Елисей Осин — о том, как в России работают с аутизмом

«Родственники мне отказали из-за политических разногласий»

В ноябре я увидела в одном из телеграм-каналов, что моего сына вместе с другими детьми увезли. В том посте опубликовали список из 12 детей, и в нем был Саша. Там говорилось, что он попал в психиатрическую больницу

в Симферополе. Я пыталась узнать какие-то подробности, звонила другим родителям, но про судьбу детей никто ничего не понимал. А через два дня у нас выключили свет, пропала связь вообще.

Я плохо помню те дни, все происходило как во сне. Прожил день — уже хорошо. Проснулся наутро — еще лучше. Всю оккупацию, вплоть до освобождения города, мы провели в Херсоне. Но уехали в Тернополь⁽³⁾ [на западе Украины] через две недели после деоккупации — тогда начали стрелять и стало совсем небезопасно.

Все это время я пыталась расспрашивать знакомых педагогов о Саше, просила их связаться с украинскими волонтерами. Все было тщетно. Даже дети, у которых есть речь и у которых была какая-то мобильная связь, отправляли короткие сообщения, ни о чем не говорившие. Например: «Мы в России». Россия большая!

У меня есть родственники в Крыму, даже в самом Симферополе. И я просила их узнать хоть что-то об этой психиатрической больнице — например, доехать туда, спросить про Сашу. Но они мне отказали из-за политических разногласий. Зато говорили, например, что в Херсоне все хорошо, никто не стреляет и нас якобы освободили россияне.

До начала января мне не удавалось найти какую-то конкретную информацию и я чувствовала себя подавленной. Новый год я встречала с мыслью о том, что моя мама в оккупации, в Каховке⁽⁴⁾, а сын неизвестно где.

КАК РАЗГОВАРИВАТЬ С БЛИЗКИМИ О ВОЙНЕ

Меня очень злит, как близкие и знакомые говорят о войне и политике. Как не сойти с ума от гнева и чего-нибудь не натворить?

«Всех отвели в зал ожидания на беседу с фээсбэшниками»

Незадолго до нашего отъезда из Херсона состоялся один разговор. Думаю, он повлиял на то, что мы воссоединились с сыном. После освобождения города я успела ненадолго вернуться к своей работе на почте, и к нам заезжала Ирина Верещук (вице-премьер-министр Украины). Я задавала ей вопросы о Саше и об эвакуированном интернате. И через некоторое время на меня сами вышли сотрудники фонда Save Ukraine.

Они сказали, что сейчас сын находится в Белогорском интернате для детей с инвалидностью, недалеко от Симферополя, и что они помогут вернуть сына, если я решусь поехать в Крым. Первое, о чем я подумала, —

смогу ли я вернуться оттуда? Некоторые люди полностью теряли связь с родными, как только те покидали Херсон. А у меня ведь есть еще один сын, которому я очень нужна, и родители-пенсионеры, нуждающиеся в моей помощи. Но сотрудники фонда меня успокоили.

Мы подкопили денег, чтобы заказать срочный загранпаспорт. Мне он обошелся в 1700 гривен⁽⁵⁾ — это много, сейчас мы живем примерно на 2000 гривен⁽⁶⁾ в месяц. Я получила документы и поехала вместе с другими девочками за своими детьми. Нас ждала долгая дорога.

Мы встретились в Киеве, а потом сели в поезд и поехали в Польшу, далее — маршруткой в Брест. Из Минска — самолетом в Москву. Когда приземлились и пошли на паспортный контроль, не обошлось без допросов. Всех отвели в зал ожидания на беседу с фээсбэшниками.

У меня сразу же спросили, как я отношусь к переименованию улиц в Украине. Например, когда улицу называют в честь Степана Бандеры. Я ответила, что считаю это отмыванием денег. Наверное, я переживала, что могу сказать что-то, что им не понравится.

У нас забирали телефоны на проверку. Как я поняла, вместе с сотрудниками ФСБ там были айтишники. Когда

мне вернули мобильный, я заметила, что они включили Bluetooth. Вероятно, скачивали какие-то данные. Нас предупреждали, что так может быть, поэтому всю дорогу до Москвы мы удаляли все, что могли.

В общей сложности мы просидели в аэропорту шесть часов. Мы не особо обсуждали все происходящее с другими женщинами — каждая мама думала только том, как быстрее забрать своего ребенка и вернуться домой. Все наши разговоры были только о детях. Дети, дети, дети...

ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ «ВЕРСТКИ» О ВЫВЕЗЕННЫХ В РОССИЮ УКРАИНСКИХ ДЕТЯХ

«Верстка» нашла 14 детей-сирот, вывезенных из Херсона, в крымском доме ребенка «Елочка» Его называли «детским концлагерем» и сравнивали с Освенцимом из-за жестокого обращения с воспитанниками

«Он приехал туда с сильной потерей в весе и пролежнями»

Мы отправились в Анапу через Ростов, где к нам подсел волонтер. По договоренности с Save Ukraine он должен был помочь мне забрать Сашу. Дело в том, что сын очень активный, и мы не могли предсказать, как он отреагирует на встречу. В Анапе мы переночевали,

а утром отправились в Крым. Другие мамы забирали детей в лагерях, я была единственной, кто поехал в Белогорский интернат — это полчаса езды от Симферополя.

Нас встретил замдиректора и попросил подождать самого директора, потому что только он может отдать ребенка. Через полчаса у меня проверили все документы, отдали справки Саши, лекарства в дорогу, которые он принимал, — и все, пожелали доброго пути.

В Белогорске, насколько я знаю, было еще семь человек, которых перевезли из Олешек. Условия в интернате мне показались идеальными. Я обрадовалась, что мой Саша оказался именно там. Я видела спортивный комплекс, качели. Кататься на качелях — его самое любимое занятие. Я не знаю, была ли там какая-то программа реабилитации для детей с РАС⁽⁷⁾, даже не подумала спросить об этом.

Когда мы встретились, сын меня узнал. Он дал мне руку и начал тянуть к выходу. Я не могу сказать точно, что означает эта реакция. Его действия порой сложно расшифровывать. Но когда я приезжала за ним в его «родной» олешкинский интернат, иногда приходилось 20–30 минут быть рядом с ним на качелях, прежде чем он перестанет отодвигать меня рукой и пойдет на контакт. А здесь сразу. Мне, как маме, было приятно.

Мне потом рассказали, что, когда Саша только попал в этот интернат, две недели отказывался кушать. Сотрудники испугались и даже возили его в больницу — нельзя, чтобы ребенок столько времени не ел. Но потихоньку это наладилось.

В интернате мне дали справку о том, в каком состоянии Саша к ним поступил. Оказывается, в Белогорск он приехал с сильной потерей в весе и пролежнями. Меня это напугало, потому что я знаю, что Саша очень активный — он редко сидит на месте или лежит. Что происходило в Олешках предыдущие четыре месяца, я могу только предполагать. Если бы я не получила на руки этого заключения, я бы в жизни ни от кого этого не узнала — Саша ведь не говорит.

Я часто думаю о том, что с другими детьми из нашего интерната — с лежачими, с колясочниками. Не все из них «родительские», и непонятно, кто их заберет, в каких условиях они сейчас живут. По моей информации, детей вывозили тремя частями. 36 человек вывезли двумя партиями в Крым, а остальных — в Скадовск [на юге Херсонской области]. Всего около ста человек, но точных цифр я не знаю. Там были и колясочники, и лежачие, и аутисты, и дети с синдромом Дауна. Наш интернат был очень разношерстный.

Сотни сирот из Украины распределили в российские детдома и интернаты. Там им показывают брифинги Минобороны РФ и учат обращаться с оружием
Подробности — в репортаже «Дождя»

«Как бы ни было дальше, Саша будет с нами»

Мы возвращались обратно через Анапу, Ростов-на-Дону и Минск. Я выдохнула, только когда добралась до границы с Украиной. Я поняла, что здесь мне уже не страшно — никто не причинит мне зла.

Саша нормально перенес поездку, только на последней границе ему стало плохо — начал кричать, вырываться. Волонтер помог его удержать. В Киеве нас встречала толпа журналистов, но сын остался в машине — мне не хотелось, чтобы скопление людей его испугало.

А через пару дней нас забрал из Киева муж.

В дороге я показывала Саше фотографии папы — и было видно, что он его узнает. Он улыбался, радовался.

Мы вместе вернулись в Тернополь, где сейчас снимаем домик. Саша постоянно с нами. Рядом есть интернат для особенных деток, но вопрос о том, чтобы Сашу туда отвезти, пока перед нами не стоит вообще. После всего,

что мы пережили. Как бы ни было дальше, Саша будет с нами, хотя это и тяжело. Например, Саша ложится в девять вечера, а встает в три часа ночи и больше не спит. А если он не спит, то уже никто не спит. Он гудит, играет, поднимает нас с постели, чтобы сходить вместе в туалет.

Вова, младший сын, думает, что все это время Саша был в школе. На самом деле он боится брата, потому что тот его несколько раз обижал — мог толкнуть или ударить. Вова не засыпает, пока Саша не заснет, — просто лежит в кровати и ждет. Думаю, что это пройдет, но пока так. Мы будем постепенно восстанавливаться после всего, что пережили.

Как мама, я думаю о том, что, если бы Сашу не вывезли, его бы, возможно, уже не было в живых. Или из-за плохого ухода в нашем интернате, куда поставили русского директора, или что-нибудь бы случилось из-за боевых действий.

С моим Сашей не сделали ничего плохого. Но если смотреть с точки зрения закона, это воровство. Потому что они не смогли создать зеленый коридор и вывезти детей заранее.

Психологи считают, что вернувшиеся дети начнут нормально общаться и говорить правду не раньше чем через три недели, когда пройдет шок. Правда, мой не сможет сказать ни слова.

Суд в Гааге выдал ордер на арест не только Путина, но и Марии Львовой-Беловой. Кто она такая? Вот история ключевой фигуры в системе депортации украинских детей в Россию

Анна Рыжкова («Верстка»)

(1) Почему?

При расстройствах аутистического спектра нередко есть проблемы с вниманием. Это может выражаться в том, что человек слишком сфокусирован или, наоборот, что он легко отвлекается.

Импульсивность и гиперактивность тоже часто встречается у людей с РАС.

[Вернуться к тексту.](#)

(2) Збройні Сили України

Вооруженные силы Украины (ВСУ).

[Вернуться к тексту.](#)

(3) Тернополь

Город в западной части Украины, примерно в 130 километрах к юго-востоку от Львова.

[Вернуться к тексту.](#)

(4) Каховка

Город примерно в 90 километрах от Херсона. Был оккупирован российскими войсками в первые дни полномасштабного вторжения.

[Вернуться к тексту.](#)

(5) Сколько это в рублях?

Около 3500 рублей.

[Вернуться к тексту.](#)

(6) Сколько это в рублях?

Около 4000 рублей.

[Вернуться к тексту.](#)

(7) PAC

Расстройства аутического спектра.

[Вернуться к тексту.](#)
